

обосновал понимание повести Достоевского и его героя как особого типа глубокой и тонкой пародии на Гоголя, его личность, систему взглядов, язык и стиль его произведений. Он убедительно показал, что высказывания, речи и проповеди Фомы Фомича Опискина во многом — своим содержанием и строем, духом и формой — связаны прежде всего с проповеднически-учительной книгой Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»¹. В одном из сопоставлений Тынянов приводит и тот пассаж с изложением взглядов Фомы Фомича на литературу, который завершается нагло-самонадеянной фразой о Руси.

Подчеркивая в этом обширном отрывке целый ряд слов и выражений, которые он рассматривает как прямые цитаты из Гоголя или как гоголевские реминисценции [6, с. 219—220], сам Тынянов эту фразу не выделяет и не анализирует. Но поскольку весь монолог Фомы Фомича о литературе интерпретируется как пародийное воспроизведение взглядов Гоголя, фраза о Руси тоже может быть понята как гоголевская.

Она может быть понята как гоголевская, поскольку вбирает в себя и воплощает один из важнейших идеологических комплексов последнего периода духовной и творческой жизни Гоголя в целом, «Выбранных мест из переписки с друзьями» [7] в частности и в особенности. Можно утверждать, что ни в одном другом тексте этого времени сопряжение ключевых слов-понятий *знать* (*понимать, любить* и т. п.) и *Русь — Россия* во всех формах, составляющих их парадигмы, и в соединении с подразумеваемыми или наличными местоименными кванторами всеобщности (*всё, все, никто* и т. п.) не достигало того уровня частоты, который характеризует их употребление в этой удивительной книге Гоголя, «вызвавшей» его «на суд перед всю Россию» [7, с. 437]: «Все мы очень плохо знаем Россию...» [7, с. 241]; «Велико незнание России посреди России» [7, с. 261]; «А Вы понадеялись на то, что я знаю Россию, а я в ней ровно ничего не знаю...» [7, с. 264]; «Ты думаешь, что все обстоятельства России тебе открыты?» [7, с. 300]; «И меня же упрекают в плохом знании России!» [7, с. 242]; «Мне становилось страшно за Россию» [7, с. 274]; «И услышал себе болезненный упрек во всем, что ни есть в России...» [7, с. 245]; «Нужно любить Россию!» [7, с. 253]; «Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России...» [7, с. 254]; «Но прямой любви еще не слышно ни в ком... Вы еще не любите Россию...» [7, с. 254] и многое другое подобное.

Она может быть понята как гоголевская еще и потому, что полностью соответствует верхнему полюсу тех резких колебаний между самоуничтожением до самооплевывания и самовозвеличением, которые объединяют обе эти фигуры — художественный образ и предполагаемый прототип — безразлично, в подлинно ли серьезном их самосознании и самоощущении или в намеренной игре на аудиторию, и независимо от степени обоснованности той или иной их самооценки. Это последнее обстоятельство очень важно, так как нужно признать, что у Гоголя были все основания думать о себе этой или подобной фразой: он, действительно, знал Русь, и Русь, действительно, его знала. Знала и давала ему знать это устами его друзей и почитателей.

Гоголь писал им так: «...Слух о них [о моих сочинениях] обойдет всю Россию...» (Н. Я. Прокоповичу, 16 мая 1843); «Печатаю я ее [„Выбранные места...“] в твердом убеждении, что книга моя нужна и полезна России...» (Л. К. Вельгорской, 16 янв. 1847); «Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: „Он знает, точно, русского человека...“ (А. М. Вельгорской, 29 окт. 1848) и т. п.

И они отвечали ему: «Скажу вам... от России, что вас все знают, все читают...» (А. О. Смирнова, 14 янв. 1846); «Да, да, вся Россия устремила

¹ В первом издании 1921 г. работа Тынянова [5] была разделена на две части. Показательно заглавие второй: «Фома Опискин и „Переписка с друзьями“».